

Иннокентий Анненский

Фамира-кифарэд

Иннокентий Федорович Анненский

Фамира-кифарэд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819595

Аннотация

«Остов сказки, лежащей в основе моей новой драмы „Фамира-кифарэд“, таков: сын фракийского царя Филаммона и нимфы Аргиопы Фамира, или Фамирид, прославился своей игрой на кифаре, и его надменность дошла до того, что он вызвал на состязание муз, но был побежден и в наказание лишен глаз и музыкального дара.

Софокл написал на эту тему трагедию, в которой сам некогда исполнял роль кифарзда, но трагедия не дошла до нас...»

Содержание

Лица	6
Сцена первая	8
Сцена вторая	10
Сцена третья	20
Сцена четвертая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Иннокентий Федорович Анненский Фамира-кифарэд *Вакхическая драма*

Dis manibusque sacrum¹

Остов сказки, лежащей в основе моей новой драмы «Фамира-кифарэд», таков: сын фракийского царя Филаммона и нимфы Аргиопы Фамира, или Фамирид, прославился своей игрой на кифаре², и его надменность дошла до того, что он вызвал на состязание муз, но был побежден и в наказание лишен глаз и музыкального дара.

Софокл написал на эту тему трагедию, в которой сам некогда исполнял роль кифарзда, но трагедия не дошла до нас.

Мое произведение было задумано давно, лет шесть тому назад, но особенно пристально стал я его обдумывать в последние пять месяцев. А. А. Кондратьев³ сделал мне честь посвятить мне написанную им на ту же тему прелестную

² **Кифара** – струнный музыкальный инструмент вроде лютни.

³ **Кондратьев Александр Александрович** (1878–1967) – поэт и прозаик, сотрудничавший в ряде модернистских изданий. Окончил 8-ю гимназию в Петербурге в то время, когда директором там был Анненский.

сказку, где музы выкалывают Фамире глаза своими шпильками. Он рассказывал мне о своем замысле уже года полтора тому назад, причем я также сообщил ему о мысли моей написать трагического «Фамиру», но почти ничего не сказал ему при этом о характере самой трагедии, так как никогда ранее не говорю никому о планах своих произведений, – во всяком случае, ни со сказкой г. Кондратьева, ни, вероятно, с драмой Софокла мой «Фамира» не имеет ничего общего, кроме мифических имен и вышеупомянутого остова сказки. От классического театра я тоже ушел далеко. Хор покидает сцену, и в одной сцене действующие лица отказываются говорить стихами, по крайней мере некоторые.

На это есть, однако, серьезное художественное основание.

Лица

Нимфа.

Старая рабыня.

Хор менад.

Фамира-кифарэд.

Папа-Силен. (παππᾱ = σεῖλνον)

Два сатира – один с голубой, другой с розовой ленточкой

в волосах.

Вакхический женский хор непосвященных.

Хор сатиров.

Томный сатир.

Тень Филаммона.

Гермес.

Чуть брезжит рассвет. Прозрачные тени еще лежат, но местами уже зыблются.

Вдали нагромождения скал – бурых, черных, красных или заросших лесом. С гор там и сям, точно сползая вниз, осели темные и белые камни, иные причудливой формы. Ближе к авансцене бедный не то дом, не то шатер. Вокруг на приямтой траве убогая глиняная утварь, губки, тростниковая корзина с хлебом, кувшины, тазы. Невысокий холм, на скате которого стоит дом Фамиры, постепенно переходит в цветущую лужайку, пятнами алую и золотистую от цветов.

Тихо-тихо. Пахнет тмином.

Сцена первая

Бледно-холодная

Расходящийся туман освобождает Нимфу. Она темноволосая и несколько худая. Лицо с блуждающей, точно безысходной улыбкой у нее молодое и розовое, но наклонно быстро бледнеет под влиянием как-то разом потухающих глаз. Треугольник лба между двумя гладкими начесами томительно бел. Движения нервные. На ней широкая одежда цвета морской воды. Фата прозрачно-травянистая и отдаёт серебром, и пояс, похожий на стебель. Ноги белы и очень малы, но следы широковаты и ступня растоптана.

Нимфа

(осматривается)

Так говорил Силен.

А вот и камень —

На голову быка похожий.

Дом

Из листьев — не гнездо, а дом, и царский.

Я ничего не понимаю. Хлеб?

Неужто хлеб? Так черен он. Кувшины,

И в них вода, прикрытая листьями...

И как все это бедно...

Погоди —

(Нагибается, что-то поднимает и внимательно рассматривает, по-женски серьезно, причем между бровей образуется складка)

Тут женщина живет... Глядите: шпилька
Потеряна... старухой.

(Заглядывает в шатер.)

Двое спят
Под этой чахлой сенью. Нет, Силен
Солгал или напутал. Я найду
Не сына здесь, а хмурого доильца
Десятка черных коз, иль зверолов
Лохматый здесь с подругою ночует...
Гей... Отзовитесь, люди, кто-нибудь!

Сцена вторая

Нимфа и старуха.

Откуда-то из глубины дома с вымытым бельем на плече и в руках выходит старая простоволосая и ширококостая женщина в блестящих серьгах, но темно и бедно одетая. Увидев чужое лицо, она спешно складывает наземь свою носу и затем, остановившись в дверях дома, вглядывается в Нимфу, видимо пораженная ее небывалой красотой.

Старуха

Не досмотрю. Простите, госпожа.

(Как бы про себя)

Из царского дворца, должно быть, гостья...

(Громче)

Поблизости и женщин нет таких,
Так розовы да белы расцветают
Цветы, и то в садах, да поливай
Еще их раза по три.

Нимфа улыбается и делает шаг по направлению к ста-

рухе.

Сядь, малютка,
А я тебе умою ноги...

(Хочет взять таз.)

Нимфа

(останавливает ее движением)

Нет,
Я не устала, няня... и дорога
Не запылила ног. Благодарю.
Чей это дом, скажи мне. Не Фамиры?

Старуха

Так, госпожа, Фамиры.

(Смотрит на нее пытливо.)

Нимфа

Где ж он сам?

Старуха

Тебе Фамиру нужно? Он не любит,

Чтобы его тревожили.

Нимфа

Меня

Он будет рад увидеть. Да и гостья

Залетная у вас я...

Старуха

(отодвигаясь и с поклоном)

Извини,

Пожалуйста, царевна иль царица,

Глаза мои так слабы.

Может быть,

Я что не так сказала: горный угол

Безлюден наш.

Нимфа

Да нет же, право, нет.

Но отчего ж с Фамирой ты, старуха?

Его кормила ты?

Старуха

Да, эту грудь

Он обнимал, когда горело сердце

Вкусить отрадной пищи.

Нимфа

Ты – раба?

Старуха

Я куплена была... увы! увы!

Нимфа

Ребенок рос без матери, не правда ль?..
Иль, может быть, меж тесаных камней
Вы спрятали ее еще недавно?

Старуха

Ты хочешь знать все это?

Нимфа

(нетерпеливо)

Да, хочу...

Старуха

А что ж сказать прикажешь? Во дворце

Филаммона и слыхом не слыхали
О матери Фамиры мы...
Угрюм
И строг наш царь... И золото он любит,
Но в слитках, а не в косах.

Нимфа

Что ж, Фамира —
Единственный?

Старуха

И неизвестно чей...

Нимфа

Филаммоном, однако ж, был он признан?

Старуха

Как не признать, когда отец и сын
В одно лицо? Да и гаданье было,
Что, точно, он Филаммоном рожден.

Нимфа

Подкинут он – о, ужас! – а давно ли?

Старуха

О, память зол!

(Закрывает лицо руками.)

Уж скоро двадцать лет,
Как приняла его я... И была ли
Тогда ему неделя?..
Но кому
Я говорю все это – я не знаю.

Нимфа

Я – нимфа и зовусь Аргиопэ...

Старуха

(задрожав)

Ты – нимфа?
О богиня, ты к Фамире?

Нимфа

О да... и он мне стоил много мук.

Старуха

(окончательно сбитая с толку)

Он стоил мук? Фамира... нимфе... мук?..

Нимфа

На ложе – и древесном, как твое...

Немая сцена.

Нимфа закрылась фатой, старуха смотрит на нее раскрытыми глазами и что-то шепчет, но про себя.

Старуха

(сбравшись с духом, и тихо, с раздышками)

Над бедною рабыней ты глумишься,

Небесная жилища!..

Если б царь

Был точно сын богини, он не рос бы

Оставленным ребенком, и его

Так горячо любить, так безраздельно

Рабыне с кольцами в ушах Фамиру

Вы не давали б, боги.

Минута молчания.

Нимфа

(с подавленным вздохом)

Так хотел
Великий Зевс, отец мой... что же делать?
Но этот кров так жалок... А дворец
Филаммона?.. Или Фамира изгнан?
И где ж рабы служить ему?.. Постой...
Иль и в лесу царям не стелют ложа
Нежней твоих две белые руки?

Старуха

(поспешно)

Все, все скажу... богиня. Разошелся
Царевич наш с отцом... Ни воевать,
Ни торговать не хочет... Крови, нимфа,
Не только что людской, оленьей крови
Он вида не выносит... И на что ж
Рабы ему?.. Я хлеб пеку Фамире.
Кифаре ж сам он служит: до нее
Дотронуться и я не смей. А женщин
Ты больше здесь не сыщешь, госпожа...

Нимфа

Еще одно... Скажи мне... О, зачем?
Я знаю, что ты скажешь нет. Но звук,
Мне самый звук вопроса сердце тешит.
Он никогда во сне не повторял
«Аргиопэ», не звал меня, старуха?

Старуха

Царь сызмалу бессонный. Сон Фамиры
Я берегу, как воду бережет
Пловец в волнах соленых ключевую,
Но никогда еще в тиши ночей
Сквозь забытие я не слыхала, нимфа,
Чтобы тебя он звал – Аргиопэ.

(Помолчав.)

Куда уж нам, рабыням, спорить с вами,
Бессмертными...

(Порывисто, с мольбой и как-то разом вскипевшими слезами.)

Но пожалей старуху.
Я святостью колен тебя молю
И нежностью твоих душистых кос, —
Ты увести отсюда хочешь разве
Мое дитя?
О нет. Скажи, что нет...
Глаза мои сквозь слезы видят ласку
В угольщиках еще закрытых губ,
Но розовых уже...

(Тихо.)

Ты не невеста?

Нимфа

О женщина... Мы платим мукам дань,
Но лгать, как вы, не надо нам. Не лгу я,
Не соблазнять пришла я к вам, а плакать...

Жестом отпускает кормилицу; та собирает белье и уходит.

Сцена третья

Еще багровых лучей

Нимфа садится на камень и закрывается своей прозрачной фатой. Солнце уже поднялось. За сценой слышны звуки бубнов, медных тарелок, вакхические клики. На оркестру справа сбегает хор. Первые такты песни еще за сценой. Менады не видят Нимфу. Она сидит так неподвижно, что ее можно принять за изваяние. Странный контраст на цветущем лугу экстаза, летающих тирсов, низко открытых шей, разметанных кос, бега, свиста, смеха и музыки с неподвижной, точно уснувшей Нимфой на белом камне.

Хор

Дзынь...

Дали милы... А вы домой?

Эвий, о милый, ты мой, ты мой...

Эвий, о где ж ты? Мольбой ты зван,

Эвий, Эвоэ... Эван... Эван...

Днем ты ничей,

Синих лучей...

Будешь ли мой

Тем горячей

Ночью немой?

Будет ли полог над ложем туман,
Белый туман?
Эвий! Эван!
Дзынь... Дали милы... Люблю, люблю.
Синее пламя твое стерплю...
Эвий, о Эвий, Эван-Эвой,
Эвий – Эвой,
Эвий – ты мой?
Силы – рулю.
Розы – стеблю,
Стрелы для бою,
Я же с тобою,
Только с тобою —
Сплю и не сплю...

Вальс.

Первая фигура – рядами.

Пусть иссушило нам пламя розы,
Синие выпило солнце грозды —
Розовы будут с зарей стрекозы.
Синие в небе зажгутся звезды...

Вторая фигура – круг.

В середине круга сцена с тирсами и вуалями; круг движется медленно, томно.

1

Эвий, о бог, разними наш круг,
О Дионис!
Видишь, как томно, сомлев, повис
Обруч из жарких, из белых рук,
О Дионис!

2

Хочешь, склонись,
О Дионис,
К нашим вуалям —
Мы не ужалим,
О Дионис...
Нежно-лилейный,
Только коснись,
Сладостноейный,
Затканноцветных,
О Дионис,
Нежно-ответных
Воздухов – риз, —
Мигом совьемся
Плющем, о боже,

Я златоцветным,
Ты облетелым...
Мигом сольемся,
Сладостноевнейный
Эвий, на ложе —
Грудью лилейной
С радостным телом.

3

Эвий, о бог, разними наш круг,
О Дионис!
Не для тебя ли, сомлев, повис
Обруч из жарких, из белых рук?
Эвий, явись...

Замедление темпа. Менады готовы лечь.

Белые руки все тянут вниз,
Белые плечи хотят на луг.
Белые груди из жарких риз,
О Дионис!

(Еле-еле... зевая.)

Эвий, о бог, разними ж ты круг...

*Настораживаются. Кто-то из менад, завидев дом и, может быть,
Нимфу.*

Одна

Менады! Там люди... скорее... в лес!
Уж сумрак исчез с высоких небес,
А солнце глядит и пылает...
Гляди-ка: сверкая ревниво,
Там сатира глаз нас желает,
И жжет, и зовет...
Менады, вперед!

Другая

Иль ждете другого призыва?
Вперед!..
Без шума и живо...

Начинают подниматься в гору, сначала тихо, вдруг кто-то нечаянно:

Дзынь!

Одна

(останавливается и, положив тимпан за пазуху, стяги-

вает пояс)

Ты, медный, застынь...

Мне грудь освежая, застынь, недвижим.

Другая

(показывая на язык)

Ты ж, алый, замолкни,

Не свистни, не шелкни...

Бежим...

Бегут и скоро скрываются.

Наступает и проходит минута тишины. Но дневной шум становится все яснее.

Просыпаются и поздние птицы. Пчелы, стрекозы, бабочки на лугу, на цветах, в цветах... Нимфа откидывает фату, спускается на луг, поднимает брошенный тирс, перебрасывает из руки в руку, бросает, садится, встает, рвет и закусывает цветы. Из лесу между тем далекое пение.

Дзынь!.. Дали милы...

Ой, Лель-лели!

О синеглазый! Молю – вели...

Дзынь... Дали милы...

О, даль, о, синь...

Эвий... другую... забудь... покинь...

Нимфа

(с мольбой простирает к лесу руки)

Как чад полуночных видений,
И диких роз, и нежных смут,
Растайте, радостные тени...
Лучи найдут, лучи доймут...

Хор

(из лесу)

Дзынь... Дали милы...
Твоя – твоя...
Сердце растает,
Огонь тая...

Нимфа

Я столько вынесла печали,
Стыда из этого «люблю»...
Своих желаний, о вуали,
Не навешивайте мне, молю.

Хор

(из лесу)

Эвий, о бог, разними наш круг,

Видишь, повис
Обруч из жарких, из белых рук.
О Дионис!

Нимфа

Иль мало вам небесной шири,
И глаз и губ – их целовать?..
Менады, моему Фамире
Я только мать, оставьте мать...

Хор

(из лесу – затихая)

Боишься – вуалем
Закройся – не станем:
Мы слабых не жалим,
Усталых не раним...

Нимфа

(проводит рукой по лицу)

Как чад полуночных хотений,
И диких роз, и нежных смут,
Уйдите, радостные тени:
Вас не хотят, вас не поймут!..

(Уходит в дом.)

Сцена четвертая

Голубой эмали

Фамира. Молодой, безбородый, белые руки, тонкий и худой – на вид он еще моложе. Одет бедно и не сознает своей одежды, без всякого оружия. За спиной лира, у пояса ветка, в руках посох.

Фамира один, потом Нимфа.

Фамира

Сердца людей мятежны. Но люблю
В горах седые камни.
Вот и пристань —

(Кладет на каменья посох и ветку.)

Конец дороги пыльной.
А зачем
Ты к ним ходил, Фамира! Стосковался
По золотым браслетам, влажных глаз
И суженных желаньем надо было
Для этих струн?
Иль самок соловей
Приманивать задумал, сотрясая
В щите у черепахи запертой

И плачущий по звездам горный воздух?

В дверях показывается Нимфа.

Га... женщина. Из моего шатра!
Уж завелись поклонницы талантов,
Блудливые менады – точно моль
В плаще, который позабыли выбить.

(К Нимфе.)

Оставь мой дом. Я – нищий кифарэд:
Дверями ты ошиблась.
Тут без флейты
И без венков пируют.
Голодна,
Так поищи в корзине хлеба; женам
Я не играю, я играю звездам.

Нимфа

Дитя мое! Любимое дитя...
Что значит муки вытерпеть! Его
Из мириад я отличу. А долго ль
Он был со мной... Пока пары безумья
Не заслонили мир на двадцать лет,
На целых двадцать лет от бедной нимфы.

Фамира

(менее уверенно)

Безумных здесь не лечат – уходи...
Да, точно, ты – безумна.
Но зачем же
Меня зовешь своим ты, не пойму...
Я не терял еще рассудка.
Разве
Ты заразишь меня своим безумьем
И трепетом печали.

(Делая шаг к ней.)

Кто ж ты? Кто?

Нимфа

Аргиопэ, рожденная на высях
И брошенная нимфа.

Фамира

(задумчиво)

Для чего ж
Вам, нимфам, слезы? Это – не лукавство,
Чтоб сердце взять мое и растопить?

Нимфа

Не плачу я, но чувства странно смутны.

Он стоит потупившись, она смотрит на Фамиру не отрываясь, жадно.

Фамира

(тихо)

Ты назвала меня своим, жена?..

Нимфа

Я родила тебя. Ты, верно, спросишь,
Зачем же был ты брошен. Мой рассказ
Мучителен, но слушай. Дай мне руку.

Берет его за руку. Фамира следует за ней покорно.

Мы сядем здесь на камне, чтоб никто
Признаний не слышал моих, Фамира.

Фамира

Я сесть готов с тобой. И я люблю —
О, не тебя, — но сказки роз и перлов —
Дыхание твое люблю я, речи странны.

Нимфа

Ты слышал ли когда о превращениях
Желаньями охваченных богов?
Кронид быком и лебедем, дождем
Он ластился к невестам – даже Смертью
Семелу⁴ он любил, испепеляя...
Но белая рука, которой ты
Пожатия боишься, не пустила
Его на эту грудь...
Я помню – день
Так жарок был. Охотой утомившись,
Заснули мы в горах. И вот оса,
Запутавшись в косе моей, гуденьем
Заставила меня привстать – и вмиг
Два черные и выпуклые глаза
Меня заморозили... Там, зеленым
На солнце нежась телом...

Из-под камня выбегает ящерица.

Нимфа

(с испугом)

Ай – она!
Постой!.. Она – опять...

⁴ **Семела** – возлюбленная Зевса, мать Диониса-Вакха.

Фамира

Ты безрассудна.
Иль ящериц боятся?

Нимфа встает с места.

Но продолжай ласкать меня. Я звуки
Из струн твоих люблю. Их на зарю
Похоже нарастанье, – на зарю
Туманного рассвета. Дальше – сон!

Нимфа

(садится возле)

Невластная уйти от мягкой ласки
Лучей, листвою таимых, я опять
Уже заснуть была готова. Взял бы
Меня Кронид покорной. Ведь никто
До той поры мне кос пушисто-нежных
Еще не распускал. Но вновь оса
Забилась в завитки волос, и жало
Мне прокололо кожу. С диким криком
Я на ноги вскочила, и рука
Лукавую стряхнула. Изумрудный
Меж камней скрылся хвост ее, и вмиг
Из чаши той, что солнце обернуло,
Допив ее до капли, два огня
Сухие пронеслись с громовым треском,

И будто свод стеклянный рухнул – звон,
И стон, и дым наполнили ущелье.

Фамира

Как этот сон и страшен, и красив:
Багровые лучи сквозь белый полог.

Нимфа

Зевс не простил меня. Хоть никогда
Суровых глаз его я не встречала...
С улыбкой он так ласково глядит,
Когда меня встречает и теперь...
О, Зевсова улыбка!.. *Позже* вы
Ее поймете, люди, – мы в века
Передадим ее вам – в серых камнях,
Где будем мы, покорны молотку
Искусного ваятеля, на ваших
Гробницах спать – с прижатыми руками
И устремив в пустые небеса
Свои глаза, пустые тоже...

Фамира

Как?
А сказка уж окончилась?.. Жалею...

Нимфа

Мне тяжело рассказывать – сойти
Хотела б я, Фамира, с этой черной,
Грозящей мне дороги...

(Спуская фату, тихо.)

Час настал —
И нимфа полюбила. Грустный жребий.
С Филаммоном спознались мы. Его
Забыла я лицо. Но ты так ярко
Напомнил мне мой брак – и эту ночь
Среди соленых брызгов, и молений,
И воющих валов, и шума сосен,
Мой алый стыд и уступивших рук
Сцепленье и распалость.

*(Приоткрывает фату, сквозь которую сверкают теперь
ее глаза, и приближаясь к Фамире, который смотрит на нее
серьезно и с недоверием.)*

Предо мною
И ты, и он слились...
Глаза вас разнят...
Тот покорял, тот требовал, а ты
Рожден, чтоб быть безрадостно любимым,
Пленять, как сон, и ускользать, как тень.

Фамира

(встает)

Заря сравнялась с небом. Вижу солнце,
И золото слепит меня. О нет —
Я отойду... Иль пойте глуше, струны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.